

Игорь Шестков "Черный аспирант"

ЧЕРНЫЙ АСПИРАНТ

В рассказе «Трещина» я описал, как убил... утопил... одного сукиного сына – Кипа, которого я представил читателю так:

Боря Кипелов, по прозвищу «Кип», баскетболист, крашеный блондин, аспирант и известный на мехмате «покоритель женских сердец». С противной бородкой и сигаретой во рту... От него пахло потом и агрессией... Этот самый Кип любил в мужской компании рассказывать, как «та» или «эта» «дала ему в рот». С подробностями, от которых тошнило. Скотина...

...

Да, утопил и тело спрятал в подводной пещере недалеко от Большого Утриша. В тексте. Только в тексте убил-утопил... не забывайте это, господа! Хоть и неспроста.

С тех пор меня мучает что-то вроде авторского раскаяния... есть такое особенное чувство, которое завладевает иногда жестокими, но легкомысленными писателями, сурово расправляющимися со своими героями. Может быть потому, что прототип Кипа – звали его конечно иначе, но я буду его и дальше называть этим фиктивным именем – я хорошо помню. Не забыл и реальную историю его гибели, оспариваемую любителями страшилок и легенд. Как же капризно наше подсознание! После того, как я написал «Трещину» мне стало казаться, что безобразная эта история, подлинная история гибели Кипа, выставяющая кстати меня в далеко не лучшем свете, навязчиво требует, чтобы я ее рассказал.

Что же, терять мне уже почти нечего, расскажу...

...

Справедливости ради, должен заметить, что главная героиня рассказа «Трещина», Инга, ограбленная и униженная рассказчиком, ревность к которой и спровоцировала его на преступление – на самом деле ни к реальному Кипу, ни к его гибели отношения не имела. Ее я сделал из одной своей подруги, короткие летние отношения с которой ничего кроме радости мне не принесли, и были, как

и все подобные отношения, банальными, даже скучными... хоть и сладкими как кавказское варенье из роз... Не пробовали?

Да, Инга... или другая летняя подруга, похожая на нее, много их было, является мне... иногда... тут, в Германии... приводит в замешательство...

Неожиданно и реально является... до того реально, что ее действительно можно перепутать с трещинкой засохшей краски на отопительной трубе на лестничной клетке нашего одиннадцатизэтажного дома в Марцане.

Но эти превращения... ороговевшие метафоры... это уже иная история, как говорят – «из другой оперы». Вернемся к Кипу.

...

Да, он действительно был аспирантом, баскетболистом с бородкой, вечной сигаретой во рту и крашеными блондинистыми волосами. От него действительно пахло потом и агрессией. И он действительно рассказывал о том, как та или эта давали ему в рот.

Но никаким «покорителем женских сердец» Кип не был, а все его многочисленные рассказы о французской любви «с той и этой» были обыкновенным враньем озабоченного совчела.

А был Кип – как и почти все молодые люди в те ужасные времена – похотливым козлом, готовым влезть на любую особь женского пола. Например, на дешевую проститутку с Сокола, после сношения с которой неизбежно «капало с конца», как у тульского самовара.

Или на жирную опустившуюся самогонщицу, подторговывающую краденым барахлом... После совокупления с этой дамой недостаточно было получить укол в задницу от хмурого врача-венеролога, приходилось еще и сдавать кровь из вены на «реакцию Вассермана».

Или на в дымину пьяную строительную рабочую за сорок, лежащую где-нибудь в бурьяне с раздвинутыми толстыми ляжками в рваных синих колготках и дающую всем желающим... что гарантировало получение так называемого «букета» или венка.

Слава богу, СПИДа во времена моей юности в СССР еще не было, иначе мы бы все подошли еще в студенческие годы.

Почему?

Много раз писал об этом... надоело повторять...

Потому что противозачаточные пилюли в государстве рабочих и крестьян в аптеках не продавались...

Потому что ни у кого из нас не было своего жилья.

Порнография и легальная проституция были строжайше запрещены...

А юные ламии, «девочки из интеллигентных семей», студентки и аспирантки, – по крайней мере девять из десяти – со студентами и аспирантами в постель до брака не ложились.

С доцентами или профессорами... такое бывало, редко, но бывало... по любви или из карьерных соображений, а с молодым человеком, даже с любимым... только после печати в паспорте!

К чему это приводило, к каким психическим и физическим травмам – можете себе сами представить, дорогие читатели.

Может быть из-за этого постоянного полового голода и его очевидных последствий, студенты и аспиранты МГУ – девять из десяти – были нечистоплотными, грубыми и мрачными пошляками. Втайне мечтающими об изнасиловании.

Вот и Кип был пошляком. И насильником.

Но в безвременной его гибели, в которой он конечно сам виноват, есть и небольшая доля вины интеллигентных девушек семидесятых годов ушедшего столетия. И лично – СССР.

...

Случай свел в одной комнате коттеджа в спортлагере «Ломоносов» трех человек: аспиранта второго года Кипа, его друга, только что защитившего диплом на кафедре дифуров, по кличке Саня-Масяня, играющего рядом с огромным Кипом роль рыбки-лоцмана, и меня, закончившего первый курс, зеленого еще мехматянина.

Не знаю, осознанно ли, но Саня-Масяня предпочитал носить тельняшки...

доводя этой полосатостью схожесть с рыбкой-лоцманом почти до совершенства.

Соседками нашими, живущими в комнате, выходящей на общую веранду, были студентки экономического факультета: Ирочка, Леночка, Олечка и Зурочка. Все милашки и хохотушки...

Ирочка, Леночка и Олечка были москвичками, не без характерного для детей начальства декаданса (папы их работали, если память мне не изменяет, в руководстве Госплана, Госснаба и Госстроя), а трудолюбивая и целеустремленная Зурочка, дочь простого пастуха, закончившая десятилетку с золотой медалью в дагестанском ауле... жила в общежитии. Летом следующего года она должна была защищать диплом.

Не хочу повторяться и описывать жизнь неспортивных студентов в спортивном лагере... перейду к делу.

В тот день мы пили особенно много. Пульку начали писать часов в шесть вечера уже пьяные. Саня-Масяня, отец которого был профессором на химфаке и имел соответствующий доступ, выставил на стол двухсотграммовый флакончик с чистым спиртом.

Спирт обжигал глотку, как кислота. Наводил на печальные размышления о многолистной вселенной.

После второго глотка, я мысленно слетал на ракете к Юпитеру и долго наблюдал загадочное Красное пятно, показавшееся мне глазом сидящего внутри планеты дракона... После третьего – долетел до Сатурна, потрогал руками его кольца и возвратился на Землю только для того, чтобы глотнуть еще раз.

Масяня выпил только один раз, меня хватило на четыре глоточка...

Кип допил остаток. В слегка раскосых его глазах появилось странное выражение, породившее во мне тревогу и вызвавшее предчувствие беды. В голове шумело, мне казалось, что я качаюсь на огромной сетке, натянутой между землей и небом...

Сетка эта грозила порваться... и выкинуть меня из уютного мира вещей и элементов.

Спирт мы полировали местным вином без названия.

Закуски у нас не было.

Кип во время игры угрюмо молчал. Только злорадно хихикал, когда я или Масяня оставались без одной.

Вокруг его головы носились как дьяволы лукавые преферансные мысли.

Надо отдать ему должное, играл он очень хорошо. Даже пьяный. Масяня и я играли средне. Бог особенно несправедлив при раздаче талантов.

Масяня говорил без умолку. Речь его трудно воспроизвести, даже не буду пытаться, потому что это была болтовня ни о чем... с множеством междометий...

То не угроза и не дума...

Ну да, Масяня усердно подтрунивал над Кипом. Не шадил ни его внешнего вида, ни его происхождения, ни скромных научных успехов, но делал этот так осторожно, деликатно, даже до подобострастности, что получалось, что он не подтрунивает, а сыпет и сыпет комплименты... как будто пену взбивает. И гладит и лижет своего закадычного дружка или повелителя.

В восемь часов закончили пульку...

Масяня отыгрался, а мне пришлось заплатить Кипу пятерку, которую тот с удовольствием спрятал в карман шорт. Самодовольно похлопал себя по длинным худым бедрам... потом как будто вспомнил что-то важное... пробурчал: Саня, друг, оставь нас с Димычем наедине, у меня к нему разговорчик есть... интимный, бля... пойдешь, потанцуй.

Масяня ревниво сверкнул влажными карими глазами и подчеркнуто медленно начал натягивать на ноги свои, тогда только недавно появившиеся у избранных «блатных», шикарные японские кроссовки. Надел свежую тельняшку, хмыкнул презрительно и исчез.

Я не знал, что Кипу было от меня надо.

Не успел поразмышлять на эту животрепещущую тему, потому что Кип вдруг схватил меня сзади за длинные, по моде, волосы и приблизил мое лицо к своей безобразной роже, похожей на поржавевшую и бородатую Луну.

Неожиданно я понял, что он смертельно пьян... или нет, не пьян... а впал в состояние делирия, или, как его тогда называли, «белочки».

Обезумел. Очумел. Слетел с катушек.

Таким я его еще не видел. Грубоватым, пошлым и агрессивным он был всегда. Но до сих пор держал себя в рамках приличия. А тут... может спирт так на него подействовал... или количество перешло в качество – пили мы без передыху две недели подряд. Все, что могли купить в гадком магазинчике по дороге в Гудауту. Портвейн... алжирское... водку. Кип пил раза в три больше, чем я и Масяня вместе взятые. И курил по три пачки местной Примы в день.

По вискам его катились капли пота, трясущийся рот был похож на трещину в скале, в которой живет саблезубый тигр, глаза покраснели.

В его правой руке я заметил опасную бритву.

Кип поднес лезвие бритвы к моему горлу, почесал ею мне кадык, скорчил зверскую рожу и просипел: Ты, Димыч, сейчас пойдешь к нашим соседкам-проблядушкам, и уговоришь одну из них взять у меня в рот. Сейчас, ублюдох. Иначе я вас всех порежу. И не вздумай кого-нибудь на помощь звать, сука... распорю брюхо и собственные кишки жрать заставлю. На уговоры даю тебе полчаса. Ну, что уставился... вали...

...

Я, как тот чеховский землемер – такого реприманда не ожидал...

Читатель наверное хочет, чтобы я выбил каратистским ударом бритву из лапы осатаневшего баскетболиста и связал его подтяжками... или... убил бы Кипа тумбочкой... в целях самозащиты. И суд меня бы оправдал и еще наградил медалью.

Уверяю вас, я бы так и поступил, если бы позорно не струсил...

Я был уже на улице, но моя шея все еще ощущала холод металла... у сонной артерии.

К девушкам, которые, судя по веселому гомону, доносящемуся из их комнаты, устроили частный показ мод, я не пошел. Не хотел их пугать. За помощью к знакомым спасателям на водах не обратился. Потому что на самом деле не хотел, чтобы Кип кого-нибудь зарезал или был изувечен разозленными спасателями.

Предполагал, что единственным человеком, который мог бы уладить это дело без кровопускания и членовредительства был Саня-Масяня. И волк был бы сыт, и овцы целы. Спустился к открытой столовой, из которой доносилась популярная в то время песня Маккартни «Миссис Вандербилт»... Там танцевали. Поискал глазами Масяню. Не нашел. Хоп-хэй-хоп!

Что делать?

В панике выбежал на пляж. Масяня сидел на гальке, один, среди обнявшихся парочек, вздыхал и бросал в лиловую воду камешки. Сбиваясь и заикаясь, объяснил ему, в чем дело. Масяня не стал, как обычно, нести пургу, а

проговорил неожиданно трезво: Так и думал, что у него какое-то говно на уме... К девушкам не ходи, не геройствуй, Кип тебя на куски порежет. Я побегу к Семенычу, попрошу его из Гудауты ментов и дуровозку вызвать. Только бы они не опоздали.

...

Приятно, когда кто-то другой снимает с тебя бремя ответственности.

Мне вдруг стало легко и хорошо. Я вздумал искупаться, очень тянуло в вечернее море.

Отошел на темную часть пляжа, сбросил с себя все и прыгнул с разбега в теплую черноморскую воду.

Отплыл от берега метров тридцать, лег на спину...

Глубоко дышал и смотрел на звезды. Казалось, их можно пощупать, вытянув руку из воды.

Забыл и про Кипа, и про девушек, находящихся в опасности, и про Масыню...

Очнулся от рева доносящейся из лагеря сирены скорой помощи.

После прикинул... оказалось, я больше сорока минут пролежал в воде.

Ну да, да, до сих пор стыдно...

А Кип, как я узнал от ставшей позже моей близкой подружкой Олечки (той, у которой отец работал в Госснабе), меня не дождался, и уже через четверть часа после моего ухода ввалился в комнату к бедным девушкам. С опасной бритвой в руке.

Девчонки конечно, когда его рассмотрели и поняли, что он хочет, завизжали и забились в углы.

Все, кроме бесстрашной горянки Зурочки. Она стояла посреди комнаты и мужественно смотрела в глаза обезумевшему идиоту. Мужество ее не подействовало.

Кип, «рыча как бешеный медведь», вначале «как будто отбивался бритвой от невидимых чудовищ», а затем бросился на девушку. Повалил на пол, разорвал на ней платье, схватил за грудь, присосался ослиными губищами к ее белой шее.

Зурочка как могла защищалась. Ударила его маленьким кулачком по носу.

Кип полоснул ее бритвой по животу, грубо развел ей бедра...

В самый последний момент Зурочка умудрилась из-под него выбраться и как

была, полуголая, босая, зажимая рукой длинную рану на животе, побежала к знакомым студентам-дагестанцам, жившим за семь коттеджей от нас.

А Кип набросился на другую жертву – Леночку. Но изнасиловать ее он не успел. Трое дагестанцев ворвались в комнату наших соседок за полминуты до того, как туда же вошли Масяня и начальник лагеря Семеныч, толстоносый мужик лет пятидесяти пяти, крепкий хозяйственник, бывший когда-то директором тюрьмы... с большим гаечным ключом в руках.

Олечка рассказывала: Это был такой ужас. Все что-то кричали дикими голосами. Наши тряпки летали по воздуху как взбесившиеся птицы. Дерущиеся умудрились лампу разбить на потолке. Поэтому главное сражение происходило в темноте. Минут пять сражались добры молодцы. Мы хотели только одного, чтобы этот придурок Семеныч не раскрыл кому-нибудь из нас случайно голову своим оружием.

...

Когда дагестанцы, Масяня и Семеныч наконец одолели Кипа и положили его на спину, оказалось, что он мертв. На его груди зияли две колотые раны. Правая его рука все еще сжимала открытую опасную бритву, измазанную кровью.

Семеныч тут же заподозрил в убийстве дагестанцев. Стал искать ножи. Но у дагестанцев никаких ножей не было. На допросе в гудаутской милиции они заявили, что «пришли на помощь женщинам, не хотели никого убивать».

Скорая увезла тело Кипа в морг, а Зурочку отвели в лагерный медпункт, где опытная медсестра Даша, свояченица Семеныча, промыла и зашила ее неглубокую рану.

Комнату наших соседок тщательно обыскала милиция. Единственным колюще-режущим предметом, который она обнаружила, были валяющиеся под столиком длинные портновские ножницы, принадлежащие кажется Леночке... Она привезла с собой в спортлагерь хлопчатобумажную ткань, выкройку, нитки, иголки и ножницы и собиралась вместе с подружками сшить из нее макси-платье.

Кто же все-таки убил Кипа – так и осталось загадкой.

Может быть он сам в неистовстве драки накололся на ножницы? Так по крайней мере объявил на общем собрании лагеря Семеныч... «для успокоения публики».

Дагестанцев все-таки задержали. Но через день отпустили. Все они были выходцами из бедных семей. Содрать с них что-либо было трудно.

Горевал по Кипу только Саня-Масяня.

Так уж получилось, что «бедная эта история» на этом не закончилась, а – неожиданно для всех – получила фантастическое продолжение.

Через несколько дней, ночью, я проснулся от воплей Масяни. Тот кричал во сне: Сгинь, черррртов урод! Катись в аааад!

Я разбудил его. Он долго смотрел на меня расширившимися от ужаса глазами, не узнавал. Потом узнал и спросил: Где он?

– Кто?

– Кип, он только что был тут и душил меня. Говорил, что я убил его ножницами, и что он за это задушит меня во сне.

– Очнись, Масяня. Это был кошмар. Кип – в морге. Мы живем в двадцатом веке, ты только что закончил мехмат МГУ. Синус икс по-прежнему меньше или равен единице. Все хорошо.

– Катись ты... Век... мехмат... синус... херня. Он был тут и душил меня, понимаешь? Посмотри, на шее пятна.

В этот момент мы оба услышали страшные крики и визг из соседней комнаты.

Напялил на себя шорты, постучал в дверь... никто мне не ответил. Прошел через нашу комнату на веранду и вошел оттуда в комнату соседок. Все четыре девушки не лежали на своих кроватях, а, сцепившись в человеческий ком, молча сидели на полу, в дальнем от веранды углу комнаты. Под одеялом. Вроде как прятались.

– Эй, девчонки, это я, Димыч. Вы почему так оралы? От кого спрятались?

Никто мне не ответил. Попробовал стянуть с них одеяло. Не дали. Затем услышал глухой, срывающийся шепот Зурочки: Ал-хамду ли Лляхи...

Она молилась...

Сел на стул. Посидел несколько минут...

– Это я, Димыч, сижу в вашей комнате на стуле. Пришел, чтобы помочь. Если хотите, уйду. Что у вас тут стряслось?

Ответила мне Олечка.

– Уходи, нам ничего не нужно. Нам кошмар приснился. Ты уйдешь и мы будем дальше спать.

– Не хочу вас пугать, но вон... Сане-Масяне Кип привиделся. Будто бы душил его во сне.

Зря я это сказал. Девочки окаменели. Минут через пять Олечка прошептала:

Уходи, пожалуйста, мы голые.

Ушел.

...

Лег на свою кровать. Заснуть не мог. Думал, думал, ворочался.

Заснул.

И снится мне сон. Вроде вчерашний день вернулся. И Кип опять бритвой по моему горлу елозит... И вот я на улице... но не иду искать Масяню, а к соседкам стучу... хочу их от Кипа защитить... и они пускают меня к себе.

В комнате у них все не так... никакой мебели нет, только ковер персидский на пол положен, на нем – блюда с фруктами... Девушки все голенькие, танцуют с пестрыми лентами в руках, бюстами и попочками трясут, хохочут. Я им рассказываю, что будет, а они мне не верят... смеются...

Я ищу, чем бы мне Кипа ударить, если войдет с бритвой... но ничего в комнате этой чудной нет подходящего... даже ножниц нет...

И вот слышу я тяжелые киповы шаги. Ближе и ближе. Слышу, как он глухо бранится...

Девушки резвятся себе, как голубки, а у меня сердце в пятки падает.

И тут – откуда ни возьмись... в комнату входит начальник лагеря Семеныч с лассо в руках. Девушки ему приветливо улыбаются, он им мельком так кивает, а потом – ни с того, ни с сего – кидает лассо и ловит меня им за шею. И тут же затягивает петлю. Я пытаюсь ему объяснить, что не меня, а взбесившегося Кипа с бритвой надо ловить, но он меня не слушает... вставляет мне в рот кляп и связывает веревками.

И вот, стою я связанный и привязанный к столбу в лагерной столовой. А вокруг

меня – все лагерные обитатели. Смотрят на меня презрительно, надменно, без сострадания... так как доктора наук – на срезавшегося студента на экзамене по математическому анализу.

А Семеныч толкает краткую речь. И заканчивает ее почему-то так: Эпоха зверств черного аспиранта закончена. Главное здание МГУ может спать спокойно. Никто больше не потревожит студентов и аспирантов нашего славного университета! Черный аспирант пойман и будет сейчас публично казнен через ручную strangulation. Душить будет отличник гражданской обороны СССР Борис Кипелов. Наше дело правое, мы победили! Да здравствует наш великий вождь Иосиф Виссарионович Чихайповидло!

Вместо того, чтобы рассмеяться, публика бешено аплодирует оратору.

Все жадно смотрят на меня. Многие высунули языки, с которых капает слюна. Все ждут палача.

Палач в остроконечной красной шапке подходит ко мне, накладывает мне на горло руки и начинает душить...

Шепчет: Что, ублюдок, не захотел уговаривать своих проблядушек совершить человеколюбивый поступок... всего-то работы было на пять минут... а теперь сам попал в тиски... задушу тебя, а потом распорю тебе брюхо и вытяну кишки... брошу бродячим псам, пусть жрут.

Изо всех сил я стараюсь крикнуть: Это Кип, Кип! Он – черный аспирант, а я только закончил первый курс...

Но из-за кляпа я издаю только нелепое курлыканье.

...

Масяня разбудил меня ранним утром. Солнце только что взошло и освещало наш пляж волшебными зеленовато-розовыми лучами. Перед тем, как влезть в воду, мы выпили по стаканчику молодого красного вина.

За завтраком к нам неожиданно подошел Семеныч и сказал негромко: Надо поговорить, хлопцы. Через двадцать минут у меня.

Масяня предположил, что менты еще чего-нибудь придумали, и нам придется в Гудауту тащиться и еще раз показания давать.

Я вспоминал свой сон и морщился, вся эта история мне порядком осточертела.

Пришли в его персональный коттедж, прячущийся в тени самшитов.

Семеныч пригласил нас сесть на стулья, сам он сидел в кресле...

Замаялся... Потер несколько раз руки. Явно не знал, с чего начать. Таким мы хамоватого Семеныча никогда не видели.

Он был явно смущен, может быть даже испуган, и вовсе не хотел заставить нас что-то сделать или написать...

Голос его подрагивал, как хвостик у щенка.

– Мне сегодня утром, тово, из милиции позвонили. Начальник отделения, Горидзе, кажется. Кадр вроде надежный... мурло как у павиана... Так вот, Горидзе этот мне сказал, что дежурного в морге... где наш... того... сегодня увезли в психическую. Плакал и рассказывал, что ночью его мертвяки душили и резали... и порезы показывал, но ему конечно не поверили. А тела Кипелова... того... там больше нет. То ли украли, то ли сам ушел.

Масяня не выдержал: Сам ушел? Того... С пробитым ножницами сердцем? Как вы это себе представляете, Николай Семенович?

Семеныч взъярился: Не дерзи старшим, студент! Никак не представляю... А знаю, что в жизни много чего бывает. Бывает и такое, что в ваших университетах не проходят. Сам испытал. Короче... вы того... осторожнее... Мало ли чего... За соседками понаблюдайте, они девочки нежные... И – никому ни слова. Вольно, по домам...

После разговора с Семенычем мы пошли в магазин за спиртным.

...

А уже в Москве, на первой же лекции, мне рассказали, что в Главном здании МГУ по ночам стал показываться мертвец, которого студенты прозвали «черным аспирантом».

Черные свои дела он, якобы, начал творить еще в июле, когда в общежитиях абитуриенты жили. А затем начал кошмарить и потрошить и студентов.

Называли и фамилии его жертв, но я их не запомнил. Будто бы он приходил по ночам, огромный, худой и черный, двери в комнаты открывал без ключа, подходил к спящей жертве и кромсал ее опасной бритвой, так что от человека оставались одни «кровавые лохмотья». Которые он выбрасывал в окошко. Или пожирал. Тут мнения расходились.

А девушек он, якобы, перед тем как кромсать, заставлял...

Милиция расставила по общежитию своих людей, на каждом этаже...

И, вроде бы, одного из них черный аспирант уже прикончил. Или двух.

Милиция была в ярости...

Ректорат в растерянности... закрыть общежития Главного здания нельзя – куда девать людей? Учебный процесс нельзя срывать... А если не закрывать...

Ректора вроде бы уже несколько раз распекали у Гришина. Он к этому не привык, получил инфаркт.

...

Я, честно говоря, во все эти ужасы не поверил. По универу вечно какие-то слухи бродили... О «синей женщине» рассказывали, о подпольных борделях для членов Политбюро, о подземном городе под МГУ, в котором живут инопланетяне.

И уж никак не мог я себе представить, что мифический «черный аспирант» – это и есть воскресший или еще какой такой Кип. Несмотря на свой приснопамятный сон, несмотря на опасную бритву... Не верил я во всю эту мистическую чепуху. Не верил до тех пор, пока сам его не увидел. ЕГО. Черного аспиранта.

А было это вот как. Как я уже писал, я подружился с Олечкой. Романчик наш, бурно начавшийся еще в «Ломоносове», на солнечном пляже... было не легко продолжать крутить в Москве. Не только из-за занятий, отнимавших время и силы, но и из-за родителей, действовавших на нервы, из-за безденежья... из-за огромной и жуткой Москвы, разлегшейся между Юго-Западной, где обитал я, и Лосинкой, где жила моя пассия, пятидесятикилометровым зловонным минным полем, по которому носились миллионы неопрятных совков и отвратительных автомобилей.

Встречаться нам было негде!

Мы вечно сидели на каких-то лестницах... ходили в кино и там целовались.

Посещали театры, часами бродили по Пушкинскому музею...

Провожать вечером, после кино, Олечку на Лосинку было не только не безопасно, но и физически трудно.

Единственное место, где мы – изредка – могли остаться наедине было, да, да, от судьбы не убежишь, общежитие рядом с Главным зданием МГУ. В Зоне А или Б, не помню. Комната, в которой жила умница Зурочка, когда та уезжала на

каникулы в Дагестан, пустовала.

Хотя мне исполнилось восемнадцать, родители не позволяли мне ночевать вне дома. Послать их к черту я не мог, потому что жил за их счет... и любил их. И не хотел расстраивать. Но иногда...

Олечка тоже могла отсутствовать дома по ночам только в виде исключения...

После долгой и мучительной воспитательной работы с родителями, мы наконец встретились в комнате Зурочки.

Было это под Новый год.

Из окна открывался потрясающий вид на вечернюю предновогоднюю Москву, припорошенную свежим снегом.

Мы выпили легкого вина, пощебетали с полчаса, разделись и легли в кроватку.

Моя любимая заснула у меня в объятьях.

И начала легонько похрапывать...

Я встал... приоткрыл окошко... закурил сигарету.

Машинально посмотрел вниз. Мы были кажется на семнадцатом этаже...

Невольно подумал о том, что лететь вниз придется долго. Даже попытался рассчитать по школьной формуле сколько. Запутался. Плюнул на формулу.

Посмотрел еще раз вниз. И тут мне стало не до формул. Потому что я увидел то, что, надеюсь, больше никогда не увижу.

Знаю, что вы, господа, мне не поверите. Может быть даже скажете, а получше он ничего не мог придумать?

Где-то на уровне шестого этажа по вертикальной университетской стене шел человек. Фигура его была строго горизонтальна. Шел, наплевав на все законы механики, которые я, несмотря на лень и хроническое нежелание учиться, знал наизубок. Так идти человек не может, тут же упадет и разобьется.

Но ОН шел. Большой, худой, черный.

Черный аспирант.

Шагал себе так, как будто университет осторожно положили на бок.

Шел он – прямо ко мне. Лица его и глаз видно не было, но я точно знал, что он смотрит мне в глаза. В его правой руке что-то блестело. Опасная бритва! Та самая.

Я не мог оторвать от него глаз... а он все шагал и шагал...

Легко-легко. Размахивая длинными бедрами.

Когда он был метрах в десяти от меня, я узнал в этой темной фигуре Кипа и приготовился к смерти.

Но он прошел мимо меня!

Почему – не знаю.

Прежде чем окончательно скрыться на крыше, еще раз пристально посмотрел мне в глаза и погрозил пальцем. Указательным пальцем левой руки.

Я закрыл окошко и осторожно лег рядом с Олечкой.

...

О «черном аспиранте» рассказывали еще какое-то время всякие небылицы.

Когда я заканчивал мехмат, о нем уже никто не помнил. Забыли.

**

Прошло много-много лет. Я давно оставил родину. Потерял связь со всеми, кого когда-то знал или любил... Рассказ «Черный аспирант» опубликовал года полтора назад...

А около двух месяцев назад получил неожиданно электронное письмо от профессора К. из Санкт-Петербурга... да, да, от Сани-Масяни.

Он писал: Дорогой Димыч, сколько лет, сколько зим... я не стал бы тебя беспокоить по пустякам. Со мной произошло что-то жуткое. Хотел тебя предупредить... Не знал, как с тобой связаться, а потом случайно нашел твой электронный адрес в интернете, там, где ты рассказы публикуешь. Прочитал рассказ «Черный аспирант», вспомнил все...

Спасибо, что ты изменил мое имя и кафедру, а не то меня наверняка кто-нибудь бы вычислил, пошли бы слухи, мои студенты смеяться бы начали... Я ведь еще преподаю, несмотря на возраст и болезни... В членкоры меня так и не выбрали, зато заслуженного дали...

Так вот, читал я лекцию в МГУ, на мехмате, как приглашенный профессор... на шестнадцатом этаже, помнишь, в большой аудитории. Материал был трудный...

я на публику и не смотрел, все внимание сосредоточил на доске, боялся ошибку сделать в вычислениях. И только когда последнюю формулу написал, ради которой и мучился – взглянул в зал. Слушай сюда – аудитория была пуста!

Только один человек сидел в последнем ряду!

Только один!

И это был ОН. Кип. Точь в точь такой, как тогда, в «Ломоносове». В шортах...

Только почерневший весь, как мумия. В правой руке держал – опасную бритву.

Кип влез на стол... и по столам... по столам... неправдоподобно большими шагами... зашагал ко мне.

Мне стало плохо, я потерял сознание.

Потом мне рассказали, что я читал, читал лекцию, а когда вывел последнюю, искомую формулу, вдруг замолчал, уставился куда-то... а затем упал и начал хрипеть и биться. Вызвали скорую. В больнице диагностировали микроинсульт, только я им не верю, шарлатанам...

Вот что со мной произошло, друг. Никогда не верил в мистику... Прав был придуманный тобой Семеныч, не все, что в жизни происходит, изучают в университетах... В упомянутой тобой многолистной вселенной возможно все.

Не смейся надо мной, старым маразматиком, черкни, если будет что...

Такой-то и такой-то, профессор того-сего...

...

Я ему ответил, но переписка наша заглохла. Как суп прошлого паловником не перемешивай, а все равно прошлое настоящим становиться не хочет. Тянет назад... и ускользает в трясине времени.

А вчера получил я еще один имейл: Милый, милый Димыч, это я... та, которую ты назвал Олечкой. Как же забавно и необычно тебе писать... Мы не виделись сорок лет или больше, зареклась считать. Случайно натолкнулась на твой рассказ в мировой сети. «Черный аспирант». Прочитала и все вспомнила. Ты конечно слукавил, некоторые вещи специально пропустил и кое-что придумал... Но ничего, главное, дух тогдашнего времени точно описал... А-то сейчас пишут про наш родной Совок какой-то бред... вообще, у всех крыша поехала. С портретами Сталина ходят... боготворят плешивую крысу. Тебе трудно из-за бугра понять, куда тут все приехало... как безнадежно все и жутко... да что я...

ладно. Так вот я хотела тебе написать, что ту, которую ты назвал Зурочкой, убили лет десять назад в Москве. Я была на похоронах. Бандиты... при ограблении. Ее ударили два раз в сердце... видимо заточкой. Бедняжка. Вспомнила я об этих двух ударах после того, как твой рассказ прочитала. Ножницы...

И та, которую ты назвал Леночкой, погибла при загадочных обстоятельствах еще в середине девяностых. Такая страшная у нас жизнь. Трудно это писать, ей перерезали бритвой горло.

Не хочу острить, но напрашивается сравнение – по России бродят миллионы твоих «черных аспирантов», и на службе и нет, и они готовы нас, простых законопослушных граждан, как это у тебя написано, «кромсать», превратить в «кровавые лохмотья». Очень боюсь революции или чего-нибудь подобного. У меня взрослые дети и шесть внуков. Что с ними будет? Сын в Канаде... а все остальные здесь...